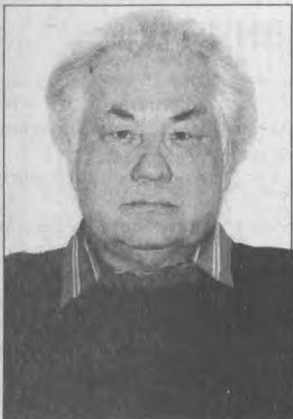

Благословение тебе, шахтерский бунт

20-летие всекузбасской забастовки

Это был бунт, но не тот русский бунт, о котором писал Пушкин, а какой-то робкий, с оглядкой на власть, бунт, придавленный страхом, да, по сути дела, самой властью и устроенный. Так что во время этого бунта в городах был порядок не в пример обычным дням. Конечно, не потому был порядок, что на митингах «показательно» разбивали бутылки с водкой и запрещали торговать спиртным: свинья, как говорится, всегда найдет грязь. Однако факт этот зафиксирован в сводках органов МВД. Рациональным образом объяснить это я не могу. Иррационально же объяснить этот порядок можно неким общим порывом к справедливости, а идеал справедливости требует и нравственного поведения.

Много чего с первых же дней этого бунта пошло не так, как власть предполагала. Власть, разумеется, региональная, местная власть, напутанная горбачевской перестройкой. В этом бунте было обращение генерального секретаря КПСС – давить на партийно-хозяйственную бюрократию снизу. Бунт надавил снизу – да так, что это давление «расплющило» и верхнюю власть. «Мудрецы» из провинциальных элит хотели пугнуть этим бунтом федералов и вырвать из закромов Родины всего, чего хотелось и чего, по мнению местной власти, не хватало. А не хватало почти всего; начиная от мыла в шахтерских бытовках и заканчивая мясными продуктами, то есть всего того, что было, что имелось раньше в шахтерских городах не в пример другим. Да и было-то вот какой-то год-два тому назад. Ощущалось и другое – скопившаяся духота жизни. Хотелось свежего воздуха, благотворных перемен. Накопилась усталость от пустопорожней болтовни власти. Наполнение самого понятия «перемен» было у каждого свое. На существующий общественно-политический строй никто из бунтовщиков и не думал тогда покушаться.

Двадцать лет спустя – срок для человеческой жизни огромный.

Двадцать лет – это полный цикл смены поколений.

Словом, прошла эпоха в жизни человека и общества. В пору жизненного расцвета, политической и социальной активности вступили поколения, не жившие в стране Советов. Нынешние иностранные города – Киев, Вильнюс, Душанбе и так далее воспринимаются ими как извечная данность, а поколения старше сорока лет никак не могут психологически адаптироваться к этой незалежности и суверенитету бывших союзных республик. Всё кажется своё и рядом.

Не стану касаться других сторон конфликта поколений, живших при советской власти, и тех, кто о ней знает по учебникам и фильмам, во многом лживым, вызванным к жизни конъюнктурными соображениями. То, что это так, видно из «писаний» на тему шахтерского бунта в 1989 году, втянувшего в свою орбиту миллионные массы. Измышлять на эту тему легко, так как шахтерская масса, непосредственно участвовавшая в этом бунте, не имела собственных историографов.

Характерным примером всех «писанных историй» этого события является то, что в них практически не упоминается газета «Шахтерская правда», в которой дана чуть

ли не почасовая хроника тех событий.

Я не собираюсь детально разбирать всё, что было издано за эти двадцать лет, свой взгляд я уже высказал – в этих работах очень много конъюнктурного, политически ангажированного. Да и это понятно, многое написано, что называется, «по горячим следам» и «горячим сердцем». К тому же наше правосознание устроено таким образом, что мы старательно выискиваем виновных на стороне, когда нужно вину искать в себе.

Итак, это был бунт с постоянными уверениями властей предрекающих в том, что ничего худого бунтовщики не задумали, а хотят только одного – справедливости. Что такое справедливость – о том беспрерывно днем и ночью говорили митинги на площадях шахтерских городов и поселков.

Что же меня мучает и что занимает в истории шахтерского бунта?

Прежде всего, я сам и осознание меры своей ответственности за самое активное участие в этом бунте. В этом и попробуем разобраться.

Подобно тому, как смерч поднимает на высоту все, что попадает в его воронку, так и шахтерский бунт взметнул вверх все, что попало ему на пути. Более того, многие люди, созная его «подъемную силу», сами стремились попасть в центр этого завихрения.

Так что в лидерах рабочего движения был весь «цвет человеческий» – от авантюристов и романтиков до откровенных лодырей, негодяев и прагматиков, ищущих себе место похлебнее.

В этом спектре человеческих натур я отношу себя к категории романтиков – этих вечных мечтателей, не способных поступиться журавлем в небе ради синички в руках. Моё полупрофессиональное увлечение поэзией сыграло в этом определяющую роль.

Романтики жаждут вымечтанных ими идеалов и не могут удовлетвориться отражениями идеальных форм и сущностей в мире вещей и людей. Парадокс всех идеалистов-романтиков состоит в том, что они сами, будучи далеко не идеальными личностями, хотят воплотить лелеемую ими идею в «плоть и кровь». Разумеется, они всегда терпят поражение и будут всегда растоптаны и смяты толпой, как горьковский Данко. Их горящие сердца и нужны только на время мобилизации масс, тараном идущих на сокрушение чего угодно – хоть дверей чиновничьих кабинетов, хоть крепостных стен, хоть социально-политического строя. Они – топливо в машине управляемого хаоса, каким и был шахтерский бунт.

Романтики как бы провоцируют коллективную мечту, аккумулируют в себе идеалы общества, а любая провокация не очень-то гуманное предприятие, поскольку неизвестно, выживет или нет провоцируемое. Бывает, что человек гибнет от, казалось бы, безобидной прививки – так смертельно резко реагирует на эту провокацию организм. И не только поэтому провокация негуманна, но и потому, что мечта всегда небогата содержанием и является верным подтверждением отсутствия чего-либо в реальной жизни. Если бы снабжение шахтерских городов и поселков осталось на уровне начала 80-х годов, то ни о каком бунте и речи бы не было. Тогда романтическому порыву не хватило бы горючего в социальной топке, а так каждому было о чем мечтать по мере своих устремлений.

Дух романтиков – это дух бунта, и поэтому у всякого романтика, проснувшегося от

наваждения этого духа, просыпается его христианская душа. Просыпается и начинает будить совесть. Совесть, как всякая совесть человеческая, лишённая Божьей благодати, начинает выискивать себе оправдания. Так оно и произошло со мной. Моя первая книга о забастовке была написана в 1991 году «голосом совести» и называлась она «Вихрь». Название придумал ныне покойный поэт Володя Ширияев.

Из этого противоречия между разбуженным духом и совестью, а точнее в этом противоречии вызревало у меня отношение к себе прошлому и к этому бунту.

Самое неизменное из всего, что есть на свете, – это прошлое. В прошлом и соломинку с одного места на другое не переложишь. Прошлым можно гордиться или сожалеть о нём. Прошлое можно переживать.

Мне часто задают вопрос: сожалею ли я о том, что принял участие в этом бунте? Отвечаю совершенно честно: нет, не сожалею. Да и как можно сожалеть о том, что делал свободно по собственному выбору, без принуждения и сознательно? Иное дело, удовлетворен ли я итогами этого бунта? На этот вопрос уже можно отвечать содержательно.

Солженицын, осмысливая свой тюремно-лагерный опыт, говорил: «Благословение тебе, тюрьма!» Конечно, советовать всем пройти через это испытание было бы верхом цинизма, тем более что, по мнению другого сидельца, Варлама Шаламова, тюрьма открывает в человеке не лучшие, а худшие качества. Так что дело тут в человеке, а не в обстоятельствах. Счастлив тот, кто многое испытал и выжил. Это сродни чувству экстремала, преодолевшего тот или иной рубеж в своем поиске сильных ощущений.

Так вот, на вопрос, удовлетворен ли я итогами этого бунта, отвечаю так: удовлетворен. Точно так же, как тем, что в жизни мне довелось пережить три операции на почках и инфаркт. Но это мои личные удовольствия. Конечно, не обошлось и без потерь: романтик во мне потерпел сокрушительное поражение, настолько тяжелое, что поболел-поболел и умер.

Шахтерский бунт 1989 года, а также череда операций основательно перепахали меня, и в эту перепаханную почву время бросило свои семена. Мучительно во мне всходил другой человек, и этот новый человек еще не полностью оформился во мне. Я чувствую его движение. Куда он направляется и к чему это приведет, то известно одному Богу, но я говорю: благословение и тебе, шахтерский бунт! Я прошел сквозь твои «огонь и воду и медные трубы», был ис-

купаем властью и деньгами, но устоял.

Но ни сыну, ни внуку, ни другу не пожелаю такой проверки на прочность, слишком экстремальные условия предлагает бунт человеку, даже такой мирный и бескровный, как шахтерский бунт лета 1989 года.

Жизнь опровергает утверждение Альбера Камю, что «бунт убивает только людей, тогда как революция уничтожает одновременно и людей, и принципы». Бунт может не убивать людей, но убивает принципы. Шахтерский бунт убил многие принципы государственного устройства и таким образом проложил дорогу к российской криминальной революции.

Внутренняя логика развития организации бунтовщиков в забастовочные комитеты привела к крайней политизации и совершенной оторванности их от рабочих масс.

Вскоре Советский Союз вспучило так, что ожили, запрыгали, заскакали большие и малые бесы – в том числе и бесы уголовщины.

Тысячу раз прав профессор богословия М.М. Дунаев в том, что «революция возрастает во многом на уголовщине и насыщается ею, как бы ни были высоки и субъективно честны идеалы иных её вдохновителей и идеологов».

Тогда стали гибнуть и люди, и принципы – точно по Камю. Криминальная революция не убила Россию как государство, но сильно изменила состав её крови.

Разумеется, в этом есть и моя доля вины, той самой, о которой говорил Христос: «Прости их, ибо не ведают, что творят». Да разве кому-либо из шахтеров в страшном сне могли присниться такие капиталистические монстры, которые пришли рудить и рудят донные их судьбой?

Откуда было мне (нам) набраться мудрости, когда в школах преподают не мудрость жизни, а знание. Да ведь и знание то было избирательным, выборочным знанием.

Время после забастовки стало для меня временем поиска мудрости, но долгое время находил одни только знания.

Размышляя о политических последствиях шахтерского бунта, хочу сказать следующее: о государстве, как и о человеке, ничего нельзя сказать окончательного, пока он (оно) еще живет. Всё может повернуться в любую сторону. Отечество, будь то царское или советское, есть Отечество – земля отцов. И нынешнее, непонятно какое – потому что непонятен идеал, к которому оно устремлено на данном этапе – есть для всякого сына Отечество и никак иначе! При этом живое отцовство, а не мертвое,

отринутое и забытое. Вот эта борьба между теми, кто пытается отринуть прошлое и забыть, или в качестве паллиатива предлагает избранные места из прошлого, с одной стороны, и с другой – тех многих, которые принимают прошлое без изъянов и без выверта своей души перед неким будто бы безгрешным и безликим правым. Этот безликий и безгрешный правый требует покаяться перед ним сынов за дела отцов. Большой разрушающей самосознание русского человека глупости и придумать невозможно! Отец отвечает за сына – несомненно, но не сын за отца.

Очевидно, что народы Советского Союза прошли через мучительные страдания социального и экономического шока. Очевидно и другое: как тюрьма и лагерь сепарируют людей по их внутреннему достоинству (делает или нравственно крепкими, или убивает всё нравственное), так и шок, испытанный в это лихое время, по-разному отозвался в душах людей. Разно изменил их и по-разному устроил ими созданные новые государства. Государства же человек строит по образу и подобию своему.

Для русского человека Отечество есть то место, за которое его отцы пролили свою кровь, и потому для меня в психологическом и морально-нравственном плане Отечеством является вся территория бывшего Советского Союза, ибо в каждом его месте есть могилы моих предков. Именно в этом смысле я не могу принять и не принимаю «беловежский договор». Для меня этот акт – предательство моего Отечества, и все, кто его подписал, – предатели. Новое поколение, воспитанное в беспамятстве или на выбранных местах истории, не будет уже чувствовать кровную связь с этими пространствами, и не будет болеть у него сердце по могилам предков.

Бывает время памяти, и тогда у народа твердая опора в прошлом, от которой, оттолкнувшись, можно сделать шаг в будущее. Бывает беспамятное время, нулевая точка, когда только создается фундамент, от которого (если он окрепнет, разумеется) народ может в будущем оттолкнуться и начать своё движение. Но это уже будет другой народ и другое Отечество.

По моему личному ощущению, мы находимся в «нулевой точке», а из таких точек выход в будущее представлен веером возможностей. То есть возможно «связать порванное время» в единую историческую цепь и вернуть «любое» к отеческим гробам», а можно из этой точки, как я уже говорил, отправиться в новое беспамятное путешествие в будущее. Возможны и другие варианты между этими крайностями. Какие? Не знаю, но очевидно не те, что я ношу в своей душе.

Прокопьевск.

